УДК 343.1
DOI: 10.17072/2619-0648-2023-4-58-68

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА НА ИНЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ КАК СПОСОБЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Д. С. Быков

Аспирант

Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Мировой судья судебного участка № 1 Бардымского судебного района Пермского края
618150, Пермский край, с. Барда, ул. Ленина, 50А

E-mail: aspirant.bykov@mail.ru

Аннотация: *в статье дается понятие цифровой трансформации общества и исследуется ее влияние на производительность органов предварительного расследования и эффективность доказывания в уголовном процессе. Приводятся примеры практического использования в условиях цифровой трансформации иных процессуальных действий, в частности таких, как получение объяснений, в том числе дистанционным способом, изъятие предметов и документов, истребование предметов и документов и их добровольное представление, и делается вывод о том, что цифровая трансформация общества в перспективе приведет к повышению производительности органов предварительного расследования, сокращению сроков уголовного судопроизводства, экономии материальных ресурсов и трудозатрат.*

Ключевые слова: *цифровая трансформация общества; цифровизация; иные процессуальные действия; доказывание; электронный документ*

© Быков Д. С., 2023

THE IMPACT OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY ON OTHER PROCEDURAL ACTIONS AS METHODS OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

D. S. Bykov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

Judical District No. 1
of the Bardymsky Judical District of the Perm Region
50A, Lenina st., Barda, Perm Region, 618150

E-mail: aspirant.bykov@mail.ru

Abstract: *in the article, for the purposes of studying the impact on other procedural actions as ways of proving in criminal proceedings, the concept of the digital transformation of society is given, the relevance of the topic of the article is highlighted. The author examines the impact of the digital transformation of society on the productivity of the preliminary investigation bodies and the increase in the effectiveness of proof, and provides examples of the use of other procedural actions in the practical activities of the preliminary investigation bodies in the context of the digital transformation of society, in particular such procedural actions as obtaining explanations, including by remote means, seizure objects and documents, reclamation of documents and objects and their voluntary presentation. In conclusion, it is concluded that the digital transformation of society in the future will lead to an increase in the productivity of preliminary investigation bodies, a reduction in the terms of criminal proceedings, saving material resources and labor costs.*

Keywords: *digital transformation of society; digitalization; proof; other procedural actions; electronic document*

Феномен цифровой трансформации прочно «обосновался» не только в трудах современных ученых, но и в документах стратегического планирования государства. Так, в Указе Президента РФ от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» цифровая трансформация определена как национальная цель развития Российской Федерации на период до 2030 года.

Оставляя за скобками дискуссию о корректности данного понятия в физико-математическом аспекте, попытаемся выявить его суть. В академических толковых словарях трансформация (от лат. *transformatio* – превращение) определяется как преобразование, превращение, изменение вида, формы,

существенных свойств чего-либо. Очевидно, что это понятие используется в языке для того, чтобы описать изменения какой-либо сущности или явления.

Ряд авторов рассматривают цифровую трансформацию в контексте управления, определяя ее как глубокую реорганизацию (реинжиниринг) бизнес-процессов «с широким применением цифровых инструментов в качестве механизмов исполнения процессов, которая приводит к существенному (в разы) улучшению характеристик процессов: сокращению времени их выполнения, исчезновению целых групп подпроцессов, увеличению выхода, сокращению ресурсов, затрачиваемых на выполнение процессов, и т.д. – и/или появлению принципиально новых их качеств и свойств (принятие решений в автоматическом режиме без участия человека и т.д.)»[1]. Здесь, на наш взгляд, более корректно было бы говорить о цифровой трансформации управления (менеджмента). Исследуется также цифровая трансформация государственного управления[2], цифровая трансформация экономики и промышленности[3].

Очевидно, что цифровая трансформация затрагивает практически все сферы жизни общества, поэтому справедливо было бы говорить о цифровой трансформации общества в целом.

Гораздо сложнее определить признаки именно цифровой трансформации. Следует согласиться с авторами, которые отмечают, что понятие цифровой трансформации меняется вместе с изменением и развитием информационных технологий[4], поэтому «зафиксировать» понятие сегодня означало бы допустить ошибку завтра. Тем не менее, исследуя те или иные правоотношения в аспекте цифровой трансформации общества, важно определить актуальные границы используемого понятия.

Обратимся вновь к документам стратегического планирования государства. В пункте 50 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (далее – Стратегия)[5] установлен приоритетный результат развития информационного общества: формиро-

[1] Государство как платформа. (Кибер)государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация / М. Петров, В. Буров, М. Шклярук, А. Шаров. М.: Центр стратегических разработок, 2018. С. 11–12.

[2] *Акаткин Ю. М., Ясиновская Е. Д.* Цифровая трансформация государственного управления. Датацентричность и семантическая интероперабельность. М.: URSS, 2019.

[3] Цифровая трансформация экономики и промышленности: проблемы и перспективы / под ред. А. В. Бабкина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017.

[4] *Грибанов Ю. И., Шатров А. А.* Сущность, содержание и роль цифровой трансформации в развитии экономических систем // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 3-1. С. 44–48.

[5] О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Рос. Федерации от 9 мая 2017 г. № 203.

вание национальных технологических платформ, повышение осведомленности граждан о преимуществах получения информации и приобретения товаров с использованием сети Интернет, а также создание возможности получения населением разного рода услуг: финансовых, государственных и муниципальных, онлайн-образования, онлайн-медицины, электронных библиотек.

Стратегией сформулированы следующие цели:

– «создание условий для формирования... общества знаний» (п. 20);

– «обеспечение прав граждан на объективную, достоверную, безопасную информацию и создание условий для удовлетворения их потребностей в постоянном развитии, получении качественных и достоверных сведений, новых компетенций, расширении кругозора» (п. 24);

– «обеспечение свободного доступа граждан и организаций, органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления к информации на всех этапах ее создания и распространения» (п. 27);

– «создание российских информационных и коммуникационных технологий для получения государством и гражданами новых технологических преимуществ, использования и обработки информации, доступа к ней, получения знаний, формирования новых рынков и обеспечения лидерства на них» (п. 35);

– «повышение качества жизни граждан на основе широкого применения отечественных информационных и коммуникационных технологий, направленных на повышение производительности труда, эффективности производства, стимулирование экономического роста, привлечение инвестиций в производство инновационных технологий, повышение конкурентоспособности Российской Федерации на мировых рынках, обеспечение ее устойчивого и сбалансированного долгосрочного развития» (п. 39).

Анализ сформулированных в Стратегии целей, а также спрогнозированных в четвертом ее разделе результатов позволяет согласиться с выводом, что «приоритетным и перспективным направлением развития информационного общества является переход на технологические платформы для коммуникации между всеми заинтересованными лицами»[6].

[6] *Зайцев О. А., Пастухов П. С.* Формирование новой стратегии расследования преступлений в эпоху цифровой трансформации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 757.

Для целей настоящего исследования под цифровой трансформацией общества понимается преобразование процессов в жизни общества на основе широкого применения информационных и коммуникационных технологий, в том числе посредством формирования технологических платформ.

Правоотношения, возникающие в ходе производства по уголовным делам, будучи, с одной стороны, неотъемлемой частью жизни общества и предметом государственного правового регулирования – с другой, могут и должны претерпевать соответствующие изменения в рамках заданных государством стратегических целей развития. В связи с этим вполне обоснованными видятся предложения О. А. Зайцева и П. С. Пастухова о формировании новой стратегии расследования преступлений в эпоху цифровой трансформации[7] и С. В. Зуева о необходимости разработки концепции развития информационных технологий в уголовном судопроизводстве[8].

Вместе с тем малоизученным остается вопрос о влиянии цифровой трансформации общества на институт доказывания в уголовном процессе, в частности на иные процессуальные действия как способы доказывания в уголовном процессе. Предполагается, что цифровая трансформация общества повышает производительность органов предварительного расследования и увеличивает эффективность самóго предварительного расследования, то есть наилучший результат получается наименее затратными способами. Причем такой эффект достигается преимущественно посредством иных процессуальных действий как способов доказывания в уголовном процессе. Для подтверждения выдвинутой гипотезы необходимо осуществить краткий анализ иных процессуальных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации[9] (далее – УПК РФ), исследовать научные труды по данной теме, изучить применение иных процессуальных действий в практической работе органов предварительного расследования и суда в контексте цифровой трансформации общества.

Иные процессуальные действия предусмотрены частью 1 статьи 86 УПК РФ и определяются как способы собирания доказательств наряду со следственными действиями, традиционно являющимися основными способами собирания доказательств. При этом уголовно-процессуальным законом

[7] *Зайцев О. А., Пастухов П. С.* Формирование новой стратегии расследования преступлений...

[8] *Зуев С. В.* О современной Концепции развития информационных технологий в уголовном судопроизводстве (РИТВУС) // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 619.

[9] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г.

установлен круг субъектов доказывания, к которым отнесены дознаватель, следователь, прокурор и суд, а вот круг иных процессуальных действий не установлен, указано лишь, что они предусмотрены УПК РФ.

Г. В. Абшилава и П. С. Пастухов полагают, что иные процессуальные действия надо рассматривать как способы собирания доказательств, альтернативные следственным действиям, поскольку прежде всего иные процессуальные действия, согласно статье 86 УПК РФ, предназначены для собирания доказательств, а не для принятия решений или оформления принимаемых решений[10]. Соглашаясь с данными авторами, проведем краткий анализ наиболее подверженных влиянию цифровой трансформации общества иных процессуальных действий.

Процессуальное действие «получение объяснений», предусмотренное статьей 144 УПК РФ, позволяет собрать необходимые для проверки сообщения о преступлении сведения. Более того, частью 1.2 статьи 144 разъясняется, что полученные с его помощью сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статьи 75 УПК РФ о недопустимых доказательствах и статьи 89 УПК РФ об использовании в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. Практика, в свою очередь, такова, что выявленные при проверке очевидцы, от которых получены объяснения, в последующем становятся свидетелями по уголовному делу, в рамках производства по которому их еще раз допрашивают, а при поступлении дела в суд вызывают для допроса в качестве свидетелей в судебном заседании. Зная это, практические работники при получении объяснений используют компьютер, в дальнейшем эти показания копируются в протоколы допроса, в обвинительное заключение или обвинительный акт и, что не редкость, в протоколы судебных заседаний, если не в приговоры, и письменные речи государственных обвинителей. Данный пример наглядно демонстрирует отсутствие какого-либо рационального зерна в такой деятельности.

В связи с изложенным представляется вполне убедительным предложение использовать полученные и зафиксированные посредством видеозаписи объяснения в качестве доказательств по уголовному делу. Во-первых, это исключило бы неправильную интерпретацию показаний при их записи, а во-вторых, значительно сократило бы сроки предварительного расследования, особенно по сложным делам со множеством очевидцев.

[10] *Абшилава Г. В., Пастухов П. С.* Иные процессуальные действия в системе уголовно-процессуального доказывания // Вестник Пермского института ФСИН России. 2022. № 1. С. 5–15.

Проблемы при использовании такого способа есть, и о них ведутся дискуссии в научном сообществе. Это прежде всего проблема идентификации опрашиваемого. Одновременно предлагаются и решения указанной проблемы – например, использование биометрических данных, цифрового профиля человека[11]. Но это тема для отдельного исследования.

Перспективным в условиях цифровизации видится дистанционный способ получения объяснений с использованием видео-конференц-связи, тем более что названный способ уже предусмотрен для таких следственных действий, как допрос, очная ставка и опознание. Эффект дистанционного способа получения объяснений для проверки сообщений о преступлениях очевиден. Приведем пример из практики. 26 ноября 2023 года Бардымским районным судом Пермского края постановлен обвинительный приговор в отношении гражданки Г. по 111 эпизодам мошенничества. Осужденная, зарегистрировав в одной из социальных сетей аккаунт, разместила информацию о продаже женской одежды и обуви с возможностью доставки в любой регион Российской Федерации при полной предоплате, не намереваясь в действительности продавать заявленный товар. Предварительным следствием было собрано достаточное количество доказательств по 111 эпизодам обвинения. Соответственно, по уголовному делу проходило такое же количество потерпевших из разных субъектов РФ. Пример этот наглядно демонстрирует, что преступная деятельность может распространяться на огромную территорию, что неизбежно осложняет проверку сообщений о преступлениях и, как следствие, приводит к увеличению сроков не только собственно проверки сообщений, но и раскрытия, а в последующем и расследования преступлений. Так, если обратиться к приговору по данному делу, то выяснится, что осужденная была освобождена от отбывания наказания по 10 эпизодам преступления в связи с истечением срока давности уголовного преследования.

Рассматривая в контексте цифровой трансформации общества такое процессуальное действие, как изъятие предметов и документов, следует обратить внимание на получение данным способом доказательств в виде электронного документа. Для изъятия электронного документа должностное лицо, независимо от того, следственное или иное процессуальное действие оно совершает, обязано знать, где находится изымаемый документ, и учитывать требования статьи 164.1 УПК РФ, предусматривающей особенности изъятия

[11] *Зайцев О. А., Пастухов П. С.* Цифровой профиль лица как элемент информационно-технологической стратегии расследования преступлений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 56. С. 281–308.

электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий.

Например, 26 мая 2021 года мировым судьей судебного участка № 1 Бардымского судебного района Пермского края постановлен обвинительный приговор в отношении гражданки К., обвиняемой в совершении мошенничества при получении пособий. Мировым судьей установлено, что гражданка К. с целью получить пособие по безработице предоставила заведомо ложные сведения путем подачи заявки через интернет-платформу «Работа в России» в ГКУ «Центр занятости населения Пермского края». Обстоятельством, подлежащим доказыванию, в данном случае являлся факт предоставления заведомо ложных сведений. В качестве доказательства дознанием был предъявлен скриншот заполненной на платформе «Работа в России» заявки, полученный от представителя потерпевшего в ходе проверки сообщения о преступлении. Указанная заявка обладала свойствами электронного документа: она существовала только в электронном виде, была заполнена и направлена с использованием цифровой платформы «Работа в России» и Единой системы идентификации и аутентификации[12].

При таких обстоятельствах в целях выемки электронного документа дознавателю надлежит установить, каким нормативным актом регламентирована работа цифровой платформы, как осуществляется идентификация и аутентификация пользователей, как подписываются заявления в электронной форме, кто является оператором цифровой платформы и где хранятся подписанные и направленные электронные документы. Предположим, что электронный документ размещен на сервере оператора цифровой платформы. Значит, дознаватель, установив физическое местоположение сервера, обязан провести требуемое процессуальное действие в данном месте с участием специалиста. Очевидно, что выполнение такого объема работы не является ни эффективным, ни рациональным. Заметим, что есть и другие способы. Например, удаленное изъятие – следственное действие, практикуемое в ФРГ. Однако правовых оснований для этого в отечественном законодательстве пока нет[13].

[12] О единой цифровой платформе в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России»: постановление Правительства Рос. Федерации от 13 мая 2022 г. № 867.

[13] *Масленникова Л. Н., Сушина Т. Е.* Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6. С. 214–224.

Задача получения имеющего доказательственное значение электронного документа может быть разрешена с использованием таких процессуальных действий, как истребование документов и предметов и их добровольное представление. Данные процессуальные действия схожи по своей сути, разница лишь в том, что в первом случае инициатива исходит от субъекта доказывания, а во втором – от иного участника уголовного судопроизводства.

В условиях цифровой трансформации общества приходится констатировать, что объем накапливаемой информации возрастает в геометрической прогрессии, что, несомненно, означает и рост информации, потенциально имеющей доказательственное значение. Это, с одной стороны, расширяет возможности подтверждения или опровержения версий, связанных с событием преступления, а с другой – приводит к многократному увеличению технических задач по обработке такой информации.

Обратимся еще к одному примеру. 10 февраля 2023 года мировым судьей судебного участка № 1 Бардымского судебного района Пермского края был постановлен обвинительный приговор в отношении гражданина Б., признанного виновным в краже металлических труб бывшего в употреблении водовода. Объем уголовного дела составил 20 томов, срок предварительного расследования – 11 месяцев. Основной объем собранных по делу документов составили ответы на запросы следователя, а также документы, переданные представителем потерпевшего. При этом бóльшая часть документов доказательственного значения не имела. Так, следователем были получены сведения о входящих и исходящих соединениях абонента, банковские выписки движения денежных средств по счету. Данная информация был представлена в электронном виде на физических носителях, однако приобщена к уголовному делу в виде распечатки. Безусловно, в тактическом плане для опровержения потенциально возможных версий обвиняемого получение такой информации оправданно, но вместе с тем вызывает сомнение необходимость ее дублирования в уголовном деле на бумажном носителе, тем более что после изучения стало очевидным отсутствие в ней доказательственного значения.

Рассмотренные нами примеры иллюстрируют пути рационализации уголовного процесса, необходимой как с практической точки зрения, так и

с точки зрения формирования концептуально новой стратегии расследования уголовных преступлений[14].

Краткий анализ использования некоторых иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ, в работе органов предварительного расследования показывает, что влияние цифровой трансформации общества на доказывание посредством иных процессуальных действий в перспективе должно привести к повышению производительности органов предварительного расследования, сокращению сроков уголовного судопроизводства, экономии материальных ресурсов и трудозатрат, а значит, к более эффективному расследованию уголовных преступлений.

Библиографический список

Абшилава Г. В., Пастухов П. С. Иные процессуальные действия в системе уголовно-процессуального доказывания // Вестник Пермского института ФСИН России. 2022. № 1. С. 5–15.

Акаткин Ю. М., Ясиновская Е. Д. Цифровая трансформация государственного управления. Датацентричность и семантическая интероперабельность. М.: URSS, 2019.

Государство как платформа. (Кибер)государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация / М. Петров, В. Буров, М. Шклярук, А. Шаров. М.: Центр стратегических разработок, 2018.

Грибанов Ю. И., Шатров А. А. Сущность, содержание и роль цифровой трансформации в развитии экономических систем // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 3-1. С. 44–48.

Зайцев О. А., Пастухов П. С. Формирование новой стратегии расследования преступлений в эпоху цифровой трансформации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 46. С. 752–777.

Зайцев О. А., Пастухов П. С. Цифровой профиль лица как элемент информационно-технологической стратегии расследования преступлений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 56. С. 281–308.

Зуев С. В. О современной Концепции развития информационных технологий в уголовном судопроизводстве (РИТВУС) // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 618–629.

[14] *Зайцев О. А., Пастухов П. С.* Формирование новой стратегии расследования преступлений...

Масленникова Л. Н., Сушина Т. Е. Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6. С. 214–224.

Цифровая трансформация экономики и промышленности: проблемы и перспективы / под ред. А. В. Бабкина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017.

Ex jure

Информация для цитирования

Быков Д. С. Влияние цифровой трансформации общества на иные процессуальные действия как способы доказывания в уголовном процессе // Ex jure. 2023. № 4. С. 58–68. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-4-58-68.

Bykov D. S. The Impact of the Digital Transformation of Society on Other Procedural Actions as Methods of Evidence in Criminal Proceedings. *Ex jure.* 2023. № 4. Pp. 58–68. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-4-58-68.